

истории его жизни.¹⁸⁸ Интравертированная методика оказывается связанной, таким образом, с культивированием индивидуализма: именно в той мере, в какой историческое свершение интерсубъективного мира выносится за скобки. Принятие социально-исторического мира как данности (нетематизируемой предпосылки) является условием возможности *объективной* (объективирующей) позиции аналитика по отношению к пациенту, «позиционирующей» терапевта как носителя соответствующей компетенции¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Пер. В. И. Колядко. М., 2000. С. 567 и далее.

¹⁸⁹ Переосмысление учения Фрейда в социальной теории Касториадиса представляет собой как раз попытку придать психоанализу статус «экстравертированной» практики, призванной содействовать формированию способной к саморефлексии субъективности и выступающей таким образом как часть заявленного греческим мыслителем «революционного» проекта автономии, в котором автономия общества осуществляется посредством реализации автономии отдельными индивидами. (См.: Касториадис К. *Воображаемое установление общества*. Пер. Г. Волкова, С. Офергас. М., 2003. С. 116–122). Психоаналитическая работа, помогающая индивиду стать автономным, определяется Касториадисом как «практическая/поэтическая деятельность, в которой оба участника являются действующими и пациент выступает главным агентом развития своей собственной самодеятельности. Я называю ее поэтической, – говорит Касториадис, – поскольку она креативна: ее результатом является – или должно быть – самоизменение человека – то есть, строго говоря, *появление другого существа*» (курсив мой. – Т. III.) (Castoriadis C. *World in Fragments. Writings on Politics, Society, Psychoanalysis, and the Imagination*. Stanford, 1997. P. 129.) Таким образом, Касториадис продолжает традицию майевтического сообщения, вполне заслуживая названия (ирония истории) «греческого Киркегора», если, конечно, не забывать, что это определение столь же фигурально, как и «датский Сократ» применительно к Киркегору. Подобно тому как майевтика Киркегора отличалась от майевтики Сократа принципиально иной концепцией *времени*, экзистенциальная реабилитация современности датского мыслителя отличается от «поэтической» деятельности Касториадиса иным осмыслением (а также исполнением) конкрет-

ной *диспозиции* практикующего майевтика и «подопечного». У Касториадиса эта диспозиция определяется как отношение психоаналитика и пациента, которое с необходимостью предполагает, во-первых, объективирующую установку по отношению к последнему, сопряженную с требованием профессиональной компетентности (так, Касториадис подчеркивает, что психоанализ должен быть дополнен анализом институтов, поскольку это пациента является во многом социальным продуктом), и, во-вторых, свойственный этой практике «переход на личности»: психоаналитик работает с конкретным биографическим лицом («воображаемый» психоанализ, не адресованный никому *in concreto*, может быть хорош как теоретическое пособие, но сам по себе никакой *действительной* силы не имеет). Касториадис не объяснил самого главного: каким образом может быть нейтрализована прямая зависимость пациента от психоаналитика. Ведь если цель последнего – привести индивида (стоит напомнить, что речь не идет о «клинических случаях») к возможности социальной жизни на началах автономии, то интимное пространство их межличностного общения, этот имманентный терапевтический мир, созданный и управляемый «Его компетентным величеством» психоаналитиком, сам должен быть каким-то образом демифологизирован, причем не постфактум: этот деструктивный момент должен быть внутренним пульсом самой психоаналитической практики, иначе психоаналитики превратятся в новую жреческую касту, а заявленный «поэзис» уподобится акту божественного творения. Короче, психоаналитик должен работать так, чтобы субъект-объектная иерархия пребывала в состоянии латентного суспендирования, чтобы имплицитной нотой всех терапевтических бесед было «король-то голый» – в том смысле, что именно ради блага автономного общества нужно постоянно отзываться претензию на непререкаемый авторитет в интересующей деятельности, призванной такому обществу содействовать. Как достичь этого в указанной диспозиции (оснащенной множественными знаками-фиксаторами иерархии: табличка на дверях, секретарша, непререкаемая *односторонняя* исповедь, журнал наблюдений, чек...), остается не ясным. Киркегор же собственной майевтической практикой предлагает другую диспозицию: автор – читатель, которая позволяет майевтику избегать формирования «авторитетной позиции», а в плане адресата предоставляет ему стратегическую возможность затронуть *всякого*. Искусство майевтики – это, прежде всего, свобода от любых властных фиксаций, искусная *легкость*, которую Киркегор определяет как «образованное об-

Экзистенциальная терапия, напротив, представляет собой *экстравертированную* методику, поскольку ее интенцией, как уже не раз отмечалось, является преобразование исторического мира благодаря экзистенциальной трансформации индивидуума. Эта коммуникативная практика осуществляется в режиме принципиальной проблематизации смысловых данностей конкретной эпохи, что делает невозможным «объективно-научное» возвышение майевтика над своим подопечным¹⁹⁰, intersубъективная связь которых требует равного *двустороннего* испытания и конкретно-исторического исполнения способности быть этической самостью, посредством чего единичный экзистирующий индивидуум выступает уже не как замкнутая на себя тотальность (со свойственной ей имманентной историизацией), а как участник обновления исторической жизни конкретного сообщества, т. е. как субъект истории, или — *отвечающая субъективность*. Речь идет, таким образом, об обретении нового исторического самосознания, которое Фуко, в работе *Что такое*

хождение отдаляющей идеальности» и которая, по его мнению, должна быть принципом всех «наставительных» речей. *Лекции* показывают, что он был убежден, что подобное мастерство может составить и ткань беседы, в точности следуя в этом методу Сократа. — В современной мысли Р. Рорти как никто другой актуализировал философское и социальное значение киркеговского наследия, проведя различие между систематической и наставительной философией и указав на их принципиальную несводимость друг к другу. См.: Рорти Р. *Философия и Зеркало природы*. Новосибирск, 1997. С. 264–292.

¹⁹⁰ Ср. с апелевской моделью «частично суспендированной коммуникации», рассмотренной на примере общения психотерапевта со своим пациентом и предполагающей как раз объективно-научное дистанцирование по отношению к последнему. Apel K.-O. *Szientistik, Hermeneutik, Ideologiekritik. Entwurf einer Wissenschaftslehre in erkenntnisanthropologischer Sicht*. In: Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. Bd. II. Frankfurt am Main, 1973. S. 123ff.